

Особенности времен и наклонений в древних законодательных текстах

КОНСТАНТИН КРАСУХИН

Древние законодательные тексты представляют принципиальный интерес для языка. Во-первых, они отличаются большой консервативностью и сохраняют многие важные архаизмы. Во-вторых, самые первые нормативные высказывания в любом обществе носили прежде всего сакральный характер: предписания исходили от божеств, мольбы были обращены к божествам. Таким образом, язык закона восходит в конечном итоге к сакральному языку [Иванов, Топоров 1978]. Так в истории реализуется определение Гегелем права как самопознания абсолютного духа! Нормативные установления, в которых сакральное ещё не отделено от юридического, во французской антропологической науке получили наименования *pré-droit*, «предправо». Но и, отделившись от сакральных (вотивных) текстов, законодательные формулы сохранили много с ними общего. Прежде всего, это обусловлено сходностью ситуации, описываемой обоими типами высказываний. И закон, и мольба апеллируют к внешнему и высшему авторитету (божеству или своду правил). Ещё ближе друг к другу законодательные и ритуальные высказывания, которые описывают упорядоченную последовательность действий. Их возможные миры – это ситуация, которая не обязательно существует в момент речи, но может возникать и возникает регулярно при определённых условиях. Её можно назвать нереферентно-итеративной. Собственно говоря, такое опреде-

ление применимо прежде всего к формулировке условия, тогда как собственно следствие выступает как необходимо вытекающее из заявленного условия. И такая необходимость может быть как алетической (по крайней мере, признающей за таковую), так и деонтической. Алетически необходимыми признавались следствия из божественного закона, деонтически необходимыми – из закона человеческого¹. Поэтому древнейшие законодательные высказывания формулируются в виде условных предложений. Их логическая основа – формула, выражающая собой так называемую дебитивную импликацию, входящую в состав правил деонтической логики. Аксиомы деонтической логики (в сравнении с алетической) суть следующие (Вригт 1986):

АЛЕТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА	ДЕОНТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА
$N(p)_{df} = I(\sim p)_{df} = \sim P(\sim p)$	$O(p)_{df} = F(\sim p)_{df} = \sim P(\sim p)$
$P(p)_{df} = \sim F(p)_{df} = \sim N(\sim p)$	$P(p)_{df} = \sim F(p)_{df} = \sim O(\sim p)$
$I(p)_{df} = \sim P(p)_{df} = N(\sim p)$	$F(p)_{df} = \sim P(p)_{df} = O(\sim p)$
$In(p)_{df} = P(p) \& P(\sim p)$	$In(p)_{df} = P(p) \& P(\sim p)$

(N – необходимо, O – (деонтически) обязательно, P – возможно (алетически и деонтически), F – запрещено, In – безразлично).

0.1. Установив эти сходжения, Г.Х. фон Вригт сформулировал и важное различие между алетической и деонтической логикой: в алетической логике из истинности необходимого события следует его существование, а из существования – возможность, что формально может быть выражено так: $N(p) \rightarrow p$; $p \rightarrow P(p)$. Соответственно из алетической невозможности следует несуществование: $I(p) \rightarrow \sim p$. В деонтической логике не существует эквивалентного закона: в мире может существовать этически запрещённое и отсутствовать этически должное. Вместо законов о существовании в деонтической логике существует понятие санкции, т.е. наказания за отступление от норм (Anderson 1967). Деонтические высказывания с санкцией *s* выглядят следующим образом: $O(p)_{df} = p \vee (\sim p \& s)$ (из обязательности *p* следует либо его наличие, либо санкция за отсутствие); $F(p)_{df} = \sim p \vee (p \& s)$ (из запрещения *p* следует либо его отсутствие, либо санкция за *p*), $P(p)_{df} = p \vee \sim p$ (из допустимости *p* следует возможность его наличия и отсутствия). Так же определяется и *In(p)*. Санкция имеет самое непосредственное отношение к языку законов (а также проклятий): законы часто её вербализуют.

¹ Разница между божественным и человеческим законом нашла воплощение в латыни в виде терминов *fas* «божественный, непреложный закон, необходимость, обусловленная волей бога, главный закон мира» и *ius* «право». Об этих терминах см. (Бенвенист 1995: 307; 321). Интерес представляет различие морфологии у этих имён: первое из них неизменяемо и встречается только в синтаксической позиции номинатива и аккузатива. Напротив, *ius* – полноизменяемое имя, употребляющееся без каких-либо ограничений.

0.2. Теперь, вспомнив основные аксиомы деонтической логики, перейдём к понятию дебитивной импликации: она обозначает деонтическое следствие из какого-либо положения вещей («если... то да будет»), формально: $p \rightarrow O(q)$. Как мы уже отмечали, её языковым выражением является условное предложение; протасис = антецедент, аподосис = консеквент. В возможном мире таких высказываний имеет место совершенно особая система времён: поскольку события не мыслятся как актуальные в момент речи, то их время определяется как нереферентное. Оно различным образом выражается в разных языках: это может быть презенс, футурум или модальные формы.

Нереферентное времени наиболее наглядно представлено в ведическом санскрите, где имеется особое наклонение – инъюнктив, форма без аугмента, с вторичными глагольными окончаниями. Инъюнктив удивительно многозначен. Он является обязательным при модально-отрицательной частице *mā*: *mā bharaṣ* «не неси», *mā bharaṣ* «пусть он не несёт». При отсутствии отрицания он может обозначать намерения, пожелания: *īndrasya nū vīryāni prā vocam* (RV I 32, 1) «я воспую (хочу, намереваюсь воспеть) доблести Индры». Иногда же он употребляется в значении обычного нарративного претерита, особенно, когда речь идёт о мифологических событиях, деяниях богов: *īndra... navatīm nāva ca dehyó hān* (RV VI 47, 2) «Индра девяносто девять крепостей разбил». Как показал К. Хофман, автор наиболее фундаментальной работы об этой категории, общее значение инъюнктива можно свести к «упоминанию» (*Erwähnung*) о действии в его отношении к лицу и залого [Hoffmann 1967: 279]. Хофман предлагает именовать инъюнктив также меморативом. Автор имеет в виду то, что инъюнктив лишён привязки к какому-либо времени и не передаёт отношения говорящего к реальности события. Иными словами, инъюнктив-меморатив имеет нулевые показатели времени и модуса. Это строго отвечает его морфологии: он лишён дейктических показателей как прошедшего времени *e- (местоимение со значением отдалённости, представленное, в частности, в греч. ἐκεῖ «там»), так и настоящего времени -i (по происхождению местоимение со значением близости).

Некоторый аналог ведическому инъюнктиву представлен в эпическом греческом. В нём распространён безаугментный претерит, формально соответствующий ведической форме. Его значение, однако, мало отличается от аугментированной формы. Тщательное обследование этого феномена показало следующее. 1. По свидетельству схолиастов, если поэт не принуждается стихотворным размером, он предпочитает безаугментный глагол. В этом можно видеть наследие микенской эпохи, в которой аугмент почти не был известен. 2. Глагол с аугментом, как правило, начинает новый период, тогда как безаугментный глагол обозначает действие, включённое в уже начатый период. Поэтому в «Каталоге кораблей» (Il. II, 484-877) описание племён и народов всегда содержит имперфект с

аугментом: εἶχον «владели» (землёй) или ἐνέμοντο «обитали». Аугментная форма может указывать на своего рода антитезис, эмфазу: ἐπεὶ δ' οὐ ποθ' ἔμμορε τιμῆς // σκηπτροῦχος βασιλεύς, ᾧ τε Ζεὺς κῦδος ἔδωκε (Il. I, 278-9) «потому не равную долю (добычи) получает скиптродержащий царь, (что) ему же Зевс дал славу». Наконец, изредка аугментный глагол может употребляться с показателем ирреальности κέν/ ἄν. В этом случае он указывает на случайно не свершившийся факт: ἦ κ' ἐδάμην ὑπὸ χερσὶ Ἀχιλλῆος καὶ Ἀθῆνης (Il. XIX, 194) «чуть я не погиб от руки Ахилла и Афины». Таким образом, разница между гомеровским безаугментным претеритом и ведическим инъюнктивом может быть сформулирована так. В гомеровском греческом семантически маркировалась форма с аугментом. В ведическом же произошла грамматическая перестройка: маркированный аугментный глагол грамматикализировался; изначально немаркированный инъюнктив из своей несколько неопределённой функции развил целый ряд новых (в т.ч. модальную) и стал маркированным.

Впрочем, М.Л. Уэст [West 1989] нашёл четыре примера безаугментного имперфекта у Гесиода и в гомеровских гимнах, значение которого приближается к ведическому инъюнктиву. Ср.: ἔνθεν ἀπορνύμεναι κεκαλυμμένοι ἠέρι πολλῶ // ἐννόχιαι στεῖχον... (Hes. Theog. 9-10) «отсюда поднявшись, скрытые в густом тумане, они идут (= шли) в ночи»; Λητὼ δ' οἴη μίμνε παρὰ Διὶ τερπικεράυνῳ // ἦ ρα βιὸν ἐχάλασσε (Hymn. Ap. 5-6) «Летó единственная остаётся (= оставалась) при Зевсе, наслаждающемся молнией, она ослабила лук». Ср. также Hes. Theog. 267-9 и Hymn. Pan. 19-29. Главным аргументом Уэста является наличие презенсов в предыдущих строках. Но в Ap. 6 безаугментному μίμνε соответствует аугментный аорист ἐχάλασσε; это заставляет усомниться в абсолютной правомочности вывода Уэста. Но в первом контексте, приведённом Уэстом, он сохраняет вневременное значение.

Семантический аналог инъюнктиву можно найти в гомеровском синтаксисе. Здесь существует особый класс предложений, вводимых союзами ὥς ὅτε, по определению Я. Вакернагеля [Wackernagel 1953: 258-9], одновременно временных и условных. Вакернагель интерпретирует их как особый тип придаточных предложений, одновременно условных и временных. Частица –τε < *-k^ue изначально, по мнению исследователя, носила определительный характер и могла вводить не только предложение, но и имя: ἦριτε ὥς ὅτε πύργος ἐνὶ κρατερῇ ὑσμίνῃ (Il. IV, 462) «рухнул, словно башня, в жаркой битве». Я. Гонда (Gonda 1975: 299-300) определяет такие обороты как показатель соотносительности событий: ὥς — как собственно релятив, а ὅ- — как соотносительное местоимение. Мы бы определили такое предложение как нереперентно-временное: оно указывает на событие, могущее произойти в неопределённое время. Не останавливаясь на них подробно, приведём только несколько примеров: ὥς δ' ὅτε κινήσῃ Ζέφυρος βαθὺ ληϊὸν

ἐλθόν (II, II, 147) «как если бы Зефир пошевелил заросшую ниву» (глагол стоит в конъюнктиве); ὥς δ' ὅτ ἀπὸ σκοπίης εἶδεν νέφος αἴπολος ἀνὴρ (II IV, 275) «как если бы козий пастух увидел облако со своего пастбища» (глагол в индикативе). Такое чередование модусов свидетельствует о нейтрализации их оппозиции. В предложении с ὥς ὅτε представлено неререферентное время, в котором не может быть оппозиции реальности и нереальности². И в процитированном контексте II, IV, 462 местоименный оборот означает, что башня не существует в реальности, а лишь в возможности. Конструкции же с дебитивной импликацией содержат в протасисе по преимуществу конъюнктив, выражающий тот же тип неререферентной действительности.

Действие аподосиса удаляется от действительности, т. е. оно безусловно модально маркировано. Поэтому оно выражается в древнейших вотивных и законодательных текстах 3 л. императива. Эта граммема в различных индоевропейских языках имеет флексию *-tu (индоиранские, хеттский; по происхождению – сочетание окончания 3 л. ед.ч. с местоимением отдалённости *u) или *tôd (греческий и итальянские языки; аблатив указательного местоимения *to-). В древнегреческом в этой позиции иногда употребляется инфинитив. Как показано в работе [Красухин 2000₂], инфинитив выражал безусловное предписание, тогда как 3 л. императива обозначало у Гомера не столько приказ, сколько дозволение. В диалектных надписях, там, где имело место противопоставление обеих форм, инфинитив выражал общую законодательную норму, императив – частную. Общая формула условного предложения, передающего дебитивную импликацию: SI ____ *-t# ____ *-tu/ -tôd; где SI – условный союз, ____ – любой глагольный корень, *-t – окончание 3 л. инъюнктива, *-tu/ -tôd – окончание 3 л. императива [Красухин 2000₁].

1. Само собой разумеется, что морфология глагола в законодательном тексте не ограничивается только вышеуказанными характеристиками. Семантика их такова, что аспект, время и наклонение в них должны отличаться от, скажем, текстов нарративных. Наша задача – постараться понять, каким законам подчиняются времена и наклонения в текстах данного жанра, чем обусловлен их выбор. Гортинские законы на о. Крит были записаны в V в. до н.э. Они представляют собой древнейший памятник греческого права и один из древнейших письменных памятников права Европы (наряду с законами XII таблиц, о которых речь пойдёт ниже). В тексте этих законов протасис стоит в презенсе и аористе. Традицион-

² Попутно отмечу, что во временном союзе ὅτε представлено не *-k^{ue}, а *-te, что доказывалось микенским ote. Но в сочетании ὥς ὅτε последний союз приобретает значение неопределённости. Оно характерно для сочетаний относительных и вопросительно-неопределённых местоимений: греч. ὅστις, ὅποιος, лат. quisquis, др.-инд. káscid «кто-то, какой-то». Не произошла ли в греч. ὅτε контаминация темпорального *-te и неопределённого *k^{ue}?

но его определяют как конъюнктив. Но проблема состоит в том, что в письменности Гортинских законов не различается долгота и краткость гласных. Поэтому формальных оснований для различения индикатива и конъюнктива здесь нет. Мы считаем подобные глагольные формы именно конъюнктивными в силу традиции: у Гомера в такой позиции (протасис условного предложения с дебитивной импликацией) стоит только конъюнктив. Иногда встречается и оптатив. Аподосис – 3 л. императива (презенс и аорист), футурум и инфинитив.

1.1. Презенс в протасисе:

(1) ὃς κ' ἔλευθεροι ε δολοι μέλλει ἀνπιμολεν (I 1) “если кто со свободным или рабом вздумает судиться”;

(2) αἶ κα τὸν ἔλευθερὸν ε τὰν ἔλευθερὰν κάρτει οἴπει (II 1-2) “если кто свободного или свободную силой принудит к сожительству”. Большинство рубрик ГЗ начинается подобным периодом. Презенс выражает стабильное и повторяющееся действие.

Ср.: (3) αἶ κ ἀνερ [κα]ι γυνὰ διακρίνονται “если муж и жена разводятся” (III 1; II 45);

(4) αἶ δέ κ' οἱ ἐπιβάλλοντες οἱ μὲν λείοντι δαπτεθαι τὰ κρεματα, οἱ δὲ με (V 30-32) “если наследники одни хотят делить имущество, а другие нет”.

1.2. Но в некоторых вводных предложениях употреблѐн в протасисе аорист:

(5) ε κ ἀπ[ο]θανει ἀνερ ε γυνὰ αἶ μεν κ' εἰ τέκνα ε ἐς τέκνον τέκνα ε ἐς τούτον τέκνα τούτος ἔκε[ν] τὰ κρεματα (V 10-13) “если умрѐт мужчина или женщина, если есть дети, или дети детей, или их дети, им владеть имуществом”;

(6) αἶ κ' ἀποθάνει ἀργυρὸν ὀπελον ε νениκαμένος αἶ μὲν κα λείοντι, οἷς κ' ἐπιβάλλει ἀναιλεθαι³ τὰ κρεματα, τὰν ἄταν ὑπερκατιστάμεν καὶ τὸ ἀργύριον οἷς κ' ὀπελει, ἐκόντον τὰ κρεματα (XI 33-34) “если умрѐт тот, кто должен деньги или проигравший в суде, то те, кому надлежит взять (его) собственность, если они хотят заплатить штраф и деньги, которые он должен, то пусть владеют имуществом”.

В (IX 1-6) встретилось аористное причастие в сочетании с личной формой того же времени:

(7) Ανερ αι κ αποθανον πατροικον πατροικον καταλιπει ε αυταν ε πρό αυ-
τας ε τονς πατροανς ε τονς ματροανς καταθεμεν ε αποδοθαι τον κρεματον και
δικαιαν εμεν ταν οναν και ταν καταθεσιν “если умерший муж оставил наслед-
ство, то либо ей самой, либо от её имени отцовское и материнское наследство уста-
новить, либо отдать из имущества и справедливой быть в отношении купленного
и установленного⁴”.

³ Критское αἶλέω – контаминация презентной основы αἶρέω и аористной εἶλον; интерпретируется как презенс [Buck 1955: 23].

⁴ Имеется в виду то, что после смерти мужа жена может претендовать и на проданную часть наследства.

Этот контекст проясняет специфику употребления аориста. Аорист указывает на событие, хотя и могущее повториться, но мыслящееся как завершенное; причастие передаёт это особенно ясно. Следствие же из него в (5-6) мыслится как стабильное, регулярно повторяющееся событие, которое и выражается презенсом⁵. Напротив, в (7) речь идёт о событиях, изменяющих установленный порядок вещей, – о необходимости отчуждения от покупателя купленного ранее имущества. Именно это обстоятельство выражено инфинитивами аориста. Особенно показательное сравнение с глаголом противоположной семантики:

(8) ἄς κ' ὁ πατεῖρ δοεῖ, τὸν τὸ πατρὸς κρεμάτων παρ υἱέος με ονεῖθαι με καταθίθεθαι (VI 1-4) “если отец жив, из отцовского имущества сыном пусть ничто не продается и не расточается”. «Жить» обозначено презенсом, «умереть» – аористом.

1.2.1. В некоторых контекстах в той же позиции употребляется аорист опатива. Так, за (7) следует:

(9) αἱ δ ἄλλαι πρῖαιτο τις κρεματα ε καταθειτο τὸν τας πατροικο, τα μεν κρεματα επι ται πατροικοι εμεν, ο δε αποδομενος η καταθενς τοι πριαμενοι η καταθεμενοι, αι κα νικαθει, διπλει καταστασει (IX 10-15) “если кто-то вчуже купит что-то из имущества, относящегося к наследству, или допустит это то имущество в наследство вернуть, а отдавший или позволивший за приобретённое или позволенное, если проиграл дело, дважды заплатит”.

Обратим внимание на то, что данное высказывание уточняет правовую норму, описанную в (7). Иными словами, аорист конъюнктива обозначает некоторое общее положение, а аорист опатива – частное. Сходное значение эта граммема имеет в:

(10) αἱ δε αποθανοι ανπαντός γνεσια τεκνα με καταλιπον, παρ τόνς τ[ο αν]πανομενο επιβαλλοντανς ανκορειν τα κρεματα (XI 7-11) “если умрёт усыновлённый, родных детей не имея, то имущество отдать близким усыновлённого”.

Здесь речь идёт о новом обстоятельстве, корректирующем ранее установленную норму, так как выше речь шла об имущественных и наследственных отношениях родных и усыновлённых детей. Контекст (11) начинает цельный параграф, но и он зависит от предыдущего параграфа:

(11) Αἱ τεκοι γυνα κε[ρ]υονσα, επελεῦσαι τοι ανδρι επι στεγαν αντι ματύρον τριον (III 45-6) “Если родит разведённая жена, то мужа привести в суд вместе с тремя свидетелями”. Выше речь шла о разводе и имущественных претензиях разведённых.

⁵ Различие форм глагола в аподосисах τούτος κρεματα ἔκεν и ἐκόντων τα κρεματα может быть объяснено, согласно [Красухин 2000], тем, что инфинитив (ἔκεν) выражает обязательство, тогда как императив (ἐκόντων) – допущение.

1.3. Теперь рассмотрим значение аориста и презенса в аподосисе:

(12) ὅς κ' ἐλευθέροι ε δολοὶ μέλλει ἀνπιμολεῖν, πρὸ δίκας με ἄγεν. αἱ δε κ' ἄγει, καταδικασάτο το ἐλευθέρο δέκα στατερανς το δολο πέντε καὶ δικασάτο λαγάσαι ἐν τρισὶ ἡμεραις. αἱ [δέ] κα με λαγάσει καταδικάδδeto το μεν ἐλευθέρο στατερα, το δολο δάρκναν τας ἀμερας φεкаστας, πρίν κα λαγ-άσει (I 3-10) “Если кто со свободным или рабом вознамерится судиться, до суда не задерживать. Если же задержит, то пусть присудят свободному десять статеров, рабу пять и пусть прикажет освободить в три дня. Если же не освободит, то пусть при-суждается свободному статер, рабу драхма за каждый день, пока не освободит”.

Здесь главное высказывание имеет в своём составе презенс в протасисе и аорист в аподосисе, дополнительное соответственно – футурум и презенс. Вторая часть высказывания (12) почти точно повторяется в:

(13) ε δέ κα νικαθει ἔκον, τὸμ μεν ἐλευθερὸν λαγάσαι τὰν πέντ' ἡμεραν, τὸν δε δο[λον] ἐν κερανς ἀποδόμев. αἱ δέ κα με λαγάσει ε με ἀποδοι δικασάτο νικев το μεν ἐλευθέρο πεντεκοντα στατερανς καὶ στατερα τας ἀμερας φε-κάστας, πρίν κα λαγάσει, το δε δολο δέκα στατερανς καὶ δάρκναν τας ἀμερας φεκάστας, πρίν κ' ἀποδοι ἐν κερανς (I 25-32) “если же завладевший проиграет дело, то свободного освободить в течение пяти дней, а раба передать в руки (хозяину). Если же не освободит и не передаст, то пусть присудят свободному пятнадцать статеров и по статеру за каждый день, пока не освободит, рабу десять статеров и по драхме за каждый день, пока не передаст”.

1.3.1. В аподосисе инфинитивы аориста *λαγάσαι* и *ἀποδόμев* обозначают завершение одной ситуации и наступление другой. Футурум *λαγάσει* и аорист *ἀποδοι* так же однородны друг другу, как и упомянутые инфинитивы: они обозначают изменение, происходящее в потенциальном, отнесённом в будущее возможном мире. Императив *δικασάτο* отличается от *καταδικάδδeto* в (6) следующим: первый зависит от инфинитива, второй – от аористного императива.

1.4. Исходя из различия времён и наклонов в предложениях дебитивной импликации как общего и частного повеления, мы можем построить следующую градацию: А. Протасис: Презенс → аорист конъюнктива → аорист опатива (движение от общей нормы к частной). В. Аподосис: Инфинитив (максимально общее предписание) → императив аориста (частное предписание, зависящее от общего) → императив презенса (частное предписание, зависящее от частного). Обратим внимание на контекст, где встретился презенс опатива. Он является продолжением (7) и (9):

(14) αἱ δ ἀντιμολος ἀπομ[ολ]ιοι ἀ[ν]π[ι] τό κρεος οἱ κ ἀνπιμολιοντι με τας πατροιοκο εμ[ε]ν, ο δικαστας ομνυς κρινετο (IX 19-21) “если же соперник оспорит в суде принадлежность имущества, то тяжущемуся (с ним) не вступать во владение наследством, а судья, принеся клятву, пусть принимает решение”.

Это – максимально частная норма из всех, приведённых в данном параграфе. Именно поэтому вместо формульного сочетания τὸν δικάσταν ομνύντα κρινεῖν здесь встретился номинатив с презентным императивом.

1.5. Исследователи отмечали, что греческий аорист имеет значение конфективности, т.е. указывает на то, что действие к моменту речи уже закончено, отсутствие указания на длительность. Г. Мутцбауэр [MUTZBAUER 1908: 54-8] и Й. Жилка [ZSILKA 1966] полагают, что первичными функциями аориста были ингрессивность (начинательность) и эгрессивность (завершительность), тогда как конфективное значение аориста развилось позднее. Согласно другой точке зрения, аорист выступал у Гомера как немаркированное время, в противоположность маркированному, выражавшему длительность имперфекту [WACKERNAGEL 1921: 174; MEILLET-VENDRYES 1948: 174]. Для многих контекстов это справедливо, но при указании на срок употребляется именно аорист: δέκα ἔτη ἐβασίλευσε “он правил десять лет”. Этот феномен объясняется значением предела, который выражен числом лет, а также особым явлением, которое П. Кипарский назвал «редукцией сочинительной связи» (conjunction reduction [KIPARSKY 1968]). Его суть заключается в том, что при сочетании нескольких глаголов один из них может потерять специфический показатель времени. Так за претеритом может следовать настоящее историческое. По мнению К. Штрукка [STRUNK 1971: 206], временная синтагма в таких случаях выражает длительность, благодаря чему для глагола выражение того же значения стало избыточным. От подобных функций отличается аорист типической ситуации, которая предстаёт как законченная. Исследователи справедливо видят в нём предтечу гномического аориста [SCHWYZER-DEBRUNNER 1950: 270]. Мы могли убедиться в том, что в типичной ситуации законодательного акта аорист передаёт ситуацию частную и завершённую. Это связано с характерной особенностью юридического дискурса: общие законы мыслятся как выразители континуальных событий, тогда как частные – дискретных и завершённых.

Сравнив критские условные предложения с гомеровскими, мы приходим к выводу о том, что общеиндоевропейский инъюнктив в протасисе дебитивного предложения был заменён на греческий конъюнктив. Это не единственный пример такой субституции. При частице μή в греческом также употребляется конъюнктив. В санскрите же при родственной ей частице mā используется инъюнктив не только в ведический, но и в классический период. Замена ушедших грамматических категорий новыми подчиняется вполне определённым закономерностям. Устойчивые синтаксические позиции помогают выявить эти закономерности. Конъюнктив, заменивший инъюнктив, свидетельствует в пользу гипотезы Г. Рикса [RIX 1986] и А. Эрхарта [ERHART 1989] о том, что конъюнктив – это, по сути, проспективный, т.е. обращённый к будущему инъюнктив. Конечно, не следует забывать и о существенных различиях: конъюнктив, в отличие от инъюнктива, может

использовать первичные окончания, а инъюнктив не обязательно тематизирован. Но тематизация первичной глагольной основы могла развивать именно модальное значение. Такие, по определению Л. Рену [RENOU 1930] «слабо модальные» формы могли впоследствии фигурировать и как конъюнктивы, и как индикативы. В контексте, требующего неререферентного действия, закрепился конъюнктив.

2. Законы XII таблиц были записаны в 451 г. до н.э., примерно в одно время с Гортинскими. К сожалению, до нас они дошли только в передаче латинских юристов и историков, поэтому аутентичность текста здесь не так надёжна, как в Гортинских законах. Но достоверность представленного в них языкового состояния подтверждается тем, что наши источники скрупулёзно передают многие особенности архаической латыни, отличающиеся от классических языковых норм. И мы можем судить, что законы XII таблиц написаны более архаичным языком, чем Гортинские. В аподосисе у них присутствует только 3 л. императива, стоящего в презенсе. Протасис более разнообразен: в нем встречаются: презенс индикатива, футурум I, форма *duit*, синхронный субъюнктив, по происхождению же оптатив, а также сигматические формы, отождествляемые с футурумом II или перфектом конъюнктива; возможен также и футурум II, перфект конъюнктива, идентичный классической латыни⁶.

2.1. Причина такого разнообразия – это, прежде всего, утеря инъюнктива как особого склонения, отличающегося и от индикатива, и от субъюнктива. Язык законов XII таблиц старается передать вневременное значение в протасисе различными способами. Так, презенс передаёт наиболее устойчивые, повторяющиеся ситуации:

(15) *SI IN IUS VOCAT, ITO. NI IT, ANTESTAMINO* (I 1) “если (кто-то кого-то) позовёт в суд, пусть (тот) идёт. (Если) не идёт, пусть будет доставлен”. Ср. аналогичный контекст:

(16) *REM UBI PACUNT, ORATO. NI PACUNT, IN COMITIO AUT IN FORO ANTE MERIDIEM CAUSAM CONIUNCITO* (I 6-9) “когда заключают договор, пусть об этом объявят. Если не заключают, пусть на площади до полудня начинают судебный процесс”. Первое предложение введено не условным, а итеративно-временным союзом *ubi*, что и подчёркивает стабильность ситуации. Во втором случае появляется союз *ni* “если не”, указывающий уже на изменение ситуации. В этих случаях можно сказать, что снята оппозиция между темпоральным и неререферентным действиями.

2.2. Футурум передаёт 1) возможность:

(17) *PROLETARIO IAM CIVI QUIS VOLET VINDEX ESTO* “для пролетария кто захочет, да будет поручителем (I 4)”;

2) событие, бесспорно отнесённое в будущее:

⁶ В этом случае не исключена и возможность замены ими более древних форм у цитирующих.

(18) CUM NEXUM FACIET MANCIPIUMQUE, UTI LINGUA NUNCIPASSIT, ITA IUS ESTO (VI 1) “когда сделает купчую или манципий, то, когда об этом будет заявлено, пусть тогда это и будет правомочным”.

Темпоральность (а не условность) конструкции подчёркнута союзом *cum*. Вообще, основная функция чистого футурума в данных контекстах – это передача события, следующего после основного сообщения:

2.2.1. Особая футуральная форма *escit*:

(19) SI FURIOSUS ESCIT, ADGNATUM GENTILIUMQUE IN EO PECUNIAQUE EIUS POTESTAS ESTO (V 7a) “если будет душевнобольным, то пусть опека над ним и его деньгами осуществляется близким или дальним родственником”;

(20) ... NEVE AURUM ADDITO. AT CUI AURO DENTES IUNCTI ESCUNT, AST IM CUM ILLO SEPELIET, SE FRAUDE ESTO (X 8) “да не даст золота. Если же у кого зубы будут соединены золотом, и тогда с ним (золотом) его похоронят, то не подлежит наказанию”.

Т.о. *escit*, *escunt* можно интерпретировать как «обнаружится»; здесь отражена общая семантика суффикса *-sc-*, который в латыни обозначает наступление какого-либо состояния.

2.3. Сигматические формы подчёркивают предшествование события из протасиса положению дел, обозначенному в аподосисе. Это показывают контексты:

(21) SI NOX FURTUM FAXSIT, SI IM OCCISIT, IURE CAESUS ESTO (VIII 12) “если ночью (кто-то) кражу совершит, (то,) если (кто) его убьёт, убит будет по праву”;

(22) SI MEMBRUM RUPSIT, NI CUM EO PACIT, TALIO ESTO (VIII, 2) “если покалечит часть тела, то, если с ним (пострадавшим) не договорится, то пусть будет ответчиком”.

В VIII 21 это значение передаёт обычный футурум II:

(23) PATRONUS SI CLIENTEM FRAUDEM FECERIT, SACER ESTO “если патрон клиента обманет, то да будет проклят”.

Впрочем, вопрос о сигматических формах надо рассмотреть более подробно. Им посвящена большая литература [SOMMER 1914: 215; BENVENISTE 1922; MEILLET 1922; ХОДОРКОВСКАЯ 1989; 2001; STEMPEL 1998]. Своеобразие форм типа *faxit*, *rupsit*, *capsit* и т.д. заключается в следующем. Во-первых, они свойственны архаической латыни. Будучи широко представлены у Плавта, они неизвестны в языке Цезаря и Цицерона. Последний римский автор, употребляющий их – это Тит Ливий, главным образом, при передаче архаических текстов. Во-вторых, сигматические формы, по-видимому, уже в III – II вв. до н.э. являлись принадлежностью либо сакрального языка, либо простонародного. В-третьих, при определении их происхождения возникают некоторые проблемы. Иногда эти образования связывают с сигматическими аористами. Но существенная разница, как показал Э. Бенвенист, состоит в том, что латинские *s*-формы обнаруживают 0 ступень корневого вокализма, а сигматический аорист имеет полную (или продлённую) ступень. На наш взгляд, это не означает полное разделение обеих категорий. Формы *faxo* / *faxim* и *capsit* воспроизводят древней-

шую апофоническую структуру, обусловленную правосторонним передвижением акцента и тематизацией основы: *dhéH-N- (< fēci), *kéHr- (< cēpi)/ *dhN-sé/-siéH- (< faxit⁷), cHr-sé- (capsit). Данные формы близки к основе презенса (*dhN-io- > facio, *cHr-io- > capio); но gupsit противостоит как основе презенса gumpro, так и перфект с полной степенью вокализма rūpī⁸. Та же ступень вокализма наблюдается и в древнеиндийских дезидеративах типа vivitsati “он желает знать” и некоторых сигматических тематических презенсах (bhūsāti “активно действовать; снабжать; украшать” – bhávati “становиться”). Модально-дезидеративное общее значение этих глагольных форм реализует одну из потенций окситонных основ (о комплексе значений глагольной окситонезы см. [Красухин 1989; 2004]). Та же форма лежит в основе сигматического футурума греческого типа. Примечательно, что существует и другой дезидеративный суффикс – *Hse-, находящийся в дополнительном распределении с *-se-. В древнегреческом он присоединяется к глаголам с основой на сонорный (φανῶ < *φανεσῶ, καλῶ < καλεσῶ), в древнеиндийском преобладает от большинства корней (ribāti “пить” – ripīsāti “жаждать”), а в латыни он присоединился к основе перфекта: feceram < *dheH-Ns-âm, fecero < *dheH-Ns-o и т.д. Эта форма прочно вошла в систему перфекта, тогда как простые сигматические времена остались вне её и воспринимаются как изолированные архаизмы.

2.3.1. В латыни существовал также особый тип сигматических основ у глаголов I спряжения – с суффиксом –ss-: amasso “я люблю”, incantassit “запоёт”, pncipassit “назовёт наследником”, dilapidassint “они разбросают камни”. Происхождение этого формата дискуссионно: некоторые учёные полагали, что конъюнктив перфекта amassim происходит из *amans sim, затем по пропорции faxo: faxim = x : amassim развилась форма amasso. Э. Бенвенист, однако, склонен полагать, что эта форма, зародившаяся в просторечии, характеризуется просторечной же геминацией согласных. В романских языках находятся очевидные следы такого удвоения: франц. tout, итал. tutto восходят не к классическому totus, а к народному *tottus. Ср. также такие формы, как gluttio, friguttio, ligurrio, где удвоение носит не этимологический, а экспрессивный характер. А. Мейе в этой связи заметил, что геминация есть принадлежность общеиндоевропейского просторечия: греч. τίθη/τιθήνη “кормилица”⁹, оск. mallud ‘malo’. В латыни к этому можно присовокупить уменьшительный суффикс –ell-us (наряду с –ul-us), а также имена gallus, vacca [Meillet 1922].

⁷ Ср. 0 ступень вокализма в венецком медиальном аористе vħagsto “он сделал для себя”. В латыни та же ступень известна и в редуцирующем перфекте fhē:fhaked (Пренестинская фибула), противостоящем нередуцированному feked с полной степенью (Дуэнова надпись).

⁸ Исключение из общего правила — clespit «украдет». Наличие ступени e во всех вариантах корня, по-видимому, привело к её появлению и в основе на –se-.

⁹ В этом корне редупликация произошла на морфемном шве: *dhi-dheNi- > τι-θηη- (ср. θήσθαι «сосать; доить; кормить грудью») > τίθηη, ср. ещё τιθός «сосок».

О сигматических формах можно сказать следующее. С одной стороны, их сравнивают с *futurum exactum*, и глоссы дают к этому основание: *adaxint adegerint* (Paul. Fest. 25); *amasso amavero* (Paul. Fest. 26). С другой стороны, не все контексты и глоссы позволяют утверждать полную равнозначность этих категорий. Так, у Плавта встречается инфинитив от сигматических глаголов, заменяющий I описательное спряжение: *illum confido domum in his diebus me reconciliassere* (Capt. 168) “я надеюсь, что он в эти дни встретится со мной дома”. В классической латыни этому инфинитиву соответствовало бы *reconciliaturum esse*. Это свидетельствует, во-первых, о том, что сигматическая форма может указывать не на предшествующее, а, напротив, на последующее событие; во-вторых, что дезидеративное значение в таких формах может сохраняться. Ср. [PALMER 2000/ 1954: 298; MEISER 1998: 182-4].

2.4. Рассмотрим более подробно семантику сигматических глаголов за пределами XII таблиц. С одной стороны, они часто выражают значение *futurum exactum*. По свидетельству Феста:

(24) *RUPSIT IN XII SIGNIFICANT DAMNUM DEDERIT* (Festus 356, 3) “*rupsit*” в законах XII таблиц означает ‘нанесёт ущерб’”.

Сигматическую форму грамматик разъясняет с помощью *fut. II*. В этом значении она засвидетельствована во многих условных предложениях у Плавта и Теренция:

(25) *SI ID CAPSO, GERITOTE AMICIS NOSTRIS AURUM CORBIBUS* (Pl. Vach) “если я это захвачу, то несите золото нашим друзьям корзинами”;

(26) *VERBUM SI MIHI UNUM, PRAETERQUAM TE ROGO, FAXIS – CAVE* (Ter. Andr. 753) “если ты мне скажешь хоть одно слово помимо того, что я спрашиваю – берегись”.

Приведём в этой связи сохранённое Титом Ливием (XXII 10, 3-6) постановление сената, очень близкое по языку к законам XII таблиц:

(27) ... (3) *datum donum duit populus Romanus Quiritium, quod ver attulerit ex suillo caprino bovillo grege quaeque profana erunt, Iovi fieri, ex qua die senatus populusque iusserit.* (4) *qui faciet, quando volet quaque lege volet, facito; quo modo faxit, probe factum esto.* (5) *si id moritur, quod fieri oportebit, profanum esto, neque scelus esto. si quis rumpet occidetve insciens, ne fraus esto. si quis clepsit, ne populo scelus esto, ne cui cleptum erit. si atro die faxit insciens, probe factum esto.* (6) *si nocte sive luce, si servus, sive liber faxit, probe factum esto. si antidea senatus populusque iusserit fieri ac faxitur, eo pupulus solutus liber esto* “подаренный дар пусть даст римский народ Квиристов, – всё, что весна принесёт из свиного, козьего и овечьего стада. И всё, что будет не посвящено (другим богам), Юпитеру принести в жертву с того дня, когда прикажет сенат и римский народ. Кто сотворит, когда захочет, по какому обычаю захочет, пусть делает; каким образом он ни сделает, да будет это сделано законно. Если умрёт то (животное), которое должно быть принесено в жертву, пусть будет непосвящённым, и это да не будет преступлением. Если по-

калечит или убьёт по неведению, да не будет это правонарушением. Если кто-то украдёт (для жертвоприношения), да не будет это преступлением ни по отношению к народу, ни по отношению к тому, у кого украдено. Если в тёмный (т.е. неблагоприятный) день кто-то сделает по неведению, да будет это сделано законно. Если ночью или днём, если раб или свободный совершит, да будет это сделано законно. И если это сделается раньше, чем прикажет сенат или народ, да будет народ разрешён от вины”.

2.4.1. Обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Во-первых, в предложении (4), начинающем конструкцию с дебитивными импликациями, в придаточном предложении стоит футурум I. Думается, это связано с тем, что оно обозначает не конкретное возможное событие, а некоторое общее положение дел. Вводится оно местоимением *qui*, имеющим здесь явно общезначительное значение («всякий, кто ни сделает...»). Во-вторых, помимо форм *faxit* и *clepsit*, здесь встретился классический футурум II *iusserit*, обозначающий безусловное предшествование в будущем. В (6) безличный пассив *faxitur*, формально соединяясь с ним союзом *ac*, указывает на предшествование и ему. С другой же стороны, форма *faxit* может быть однородна и футуруму I *faciet* и *volet*, что напоминает Законы XII таблиц.

2.4.2. Сигматические времена встретились и в нескольких архаических вотивных надписях, в конструкциях, совершенно аналогичных рассмотренным выше:

(28) *SEI QUIS ARVORSU HAEC FAXIT, [IN] IUM QUIS VOLET PRO IOUDICATOD N [L] MANUM INIECTIO ESTOD SIEVE MAC[1]STRATUS VOLET MOLTARE LICETOD* (Надпись из Луцерии, конец IV – начало III в. до н.э., 4-6) “кто вопреки этому сделает, то всякий, кто захочет, пусть подаёт на него в суд, пусть штраф с него в 50 нуммов будет взят, а если магистрат захочет, то оштрафовать да будет позволено”;

(29) *SEI QUIS VIOLASIT IOVE BOVID PIACLUM DATOD* (Надпись из Сполето, III – начало II в. до н.э.) “кто же повредит (рощу), пусть принесёт Юпитеру в жертву быка”. Этот же контекст почти точно повторяется в (29a), надписи, созданной в том же месте и в то же время: *SE QUIS ADVORSUM EAD VIOLASIT, IOVEI BOVID PIACLUM DATO* “если кто вопреки этому повредит, пусть принесёт Юпитеру в жертву быка”. Обращает на себя внимание простой футурум *volet* в (28). Он вызывает в памяти контексты (26) и (27, 4), заставляя предполагать, что здесь мы имеем дело с вотивно-юридической формулой.

2.4.3. Однако в литературных текстах встречаются контексты и с сигматическими формами в совсем других функциях. Они могут обозначать простой футурум:

(30) *EGO TE HODIE FAXO ACCERTUM, UT DIGNUS ES (Pl. Rud. 800)* “я сделаю тебя сегодня избранным, так как ты этого достоин”.

В сочетании с футурумом II в однородных предложениях можно увидеть различие этой формы и сигматической:

(31) PERIBO, SI NON FECERO, SI FAXO, VAPULABOR (Pl. fr. 77) “если я не сделаю, погибну, если сделаю – буду бит”.

Тем самым можно полагать, что fecero обозначает более завершённое действие, чем faxo (что связано и с отнесением первого глагола к перфектной, второго – к инфектной основе). В независимых предложениях 1 лицо faxo может служить своего рода каузатором событий:

(32) FAXO SCIAS (Pl. Men. 644) “я сделаю так, чтобы ты знал”,

(33) IAM FAXO IPSUM HOMINEM MANIFESTO OPPRIMAS (Asin. 876) “я сделаю так, что ты этого человека точно победишь” (близкий контекст – (34) MANIFESTO IAM FAXO OPPRIMAS (Men. 562) “сделаю так, что ты точно победишь”). Глагол здесь соединяется с придаточным предложением без союзов, тем самым приближаясь к вводному слову. Он может также означать «я уверен, заверяю», окончательно превращаясь в вводное слово:

(35) OMNIA FACIET IUPPITER FAXO (Рoen. 1191) “я уверяю, что всё сделает Юпитер”.

Вариант же faxim, восходящий к оптативу сигматического аориста, имеет значение обычного субьюнктива:

(36) PLUS MISER SIM, SI SCELESTUM FAXIM, QUOD DICAM FORE (Enn. fragm. 261) “я был бы более несчастным, если бы сам совершил то преступление, о котором скажу, что оно должно свершиться”;

(37) HOMO NULLUST TE SCELESTIOR, QUI VIVIT HODIE, NEQUE EGO DE INDUSTRIA AMPLIUS MALE PLUS LIBENS FAXIM (Pl. Aul. 420) “нет человека преступнее тебя из живущих сейчас, которому я бы с большим усердием и большей охотой сделал бы зло”.

Таким образом, оптативная форма faxim имеет именно тот комплекс значений, который мы связываем с латинским субьюнктивом. Семантика же faxo и других глаголов, восходящих к тематизированной сигматической основе, менее определена. Приведём также глоссу: faxit libenter facit (GGL IV, 75, 2) “faxit ‘делает охотно’”. Во всяком случае, значение сигматических форм вовсе не сводится только к обозначению предшествования.

2.5. Употребление этих форм в протасисе условных предложений с дебитивной импликацией наводит на мысль, что именно они явились заменителем индоевропейского иньюнктива. Этому вовсе не противоречит то, что в ряде законов XII таблиц в той же позиции употребляется и простой перфект, и субьюнктив:

(38) SI TELUM MANU FUGIT MAGIS QUAM IECIT (VIII 24) “если кто рукой копьё бросил дальше, чем намеревался”;

(29) MANU FUSTIVE SI OS FREGIT <COLLISITVE> LIBERO CCC, SI SERVO CL POENA SUBITO (VIII 2) “если кто рукой или дубиной кость сломает свободному, – 300, если рабу – то 150 (сестерциев) да будет присуждено”;

(40) SI VINDICIAM FALSAM TULIT, SI VELUT IS ...TOR ARBITROS TRIS DATO (XII , 3) “если кто заявил ложную претензию, ... то дать трёх судей”.

Подобно сигматическим формам, перфекты обозначают здесь события, мыслящиеся как отступления от правовой нормы и, следовательно, единичные. То же можно сказать и о конъюнктивах:

(41) SI QUID HORUM FUAT VITIUM IUDICI ARBITROVE REOQUE, EO DIES DIFFENSUS ESTO (II 2) “если из них будет недостаток в суде, арбитра, свидетеле, то день (для тяжбы) пусть будет отменён¹⁰”;

(42) SI PATER FILIUM TER VENUM DUIT¹¹, FILIUS A PARE LIBER ESTO (IV, 2) “если отец сына продаст (в рабство), сын пусть будет свободен”. Можно полагать, что различные формы по-разному реализуют общее значение вневременного, т.е. завершенного в начале обозначаемой ситуации и не реального, а лишь возможного действия.

3. В заключение отметим сходство латинских условно-дебитивных конструкций с осскими. Не углубляясь в анализ языка Бантинских законов, отметим такие конструкции, как:

(43) PIS POCAPIT POST EXAC COMONO HAFIEST MEDDISS DAT CASTRID LOVFRID EN EITUAS FACTUD POVVS TOUTO DEIVATUNS TANGINOM DEICANS, SIOM DAT EIZASC IDIC TANGINEIS DEICUM, POD VALEMOM TOVTICOM TADAIT EZUM, NEP FEFACID POD PIS DAT EIZAC EGMAD MINS DEIVAD DOLUD MALUD (ТВ, 8-11) “(если) какой-нибудь магистрат после этого собрания что-то решит о свободном участке и о деньгах, пусть сделает так, как община, поклявшись, постановит, — что ей об этом решении надлежит сказать, что она сочтёт лучшим для публичного блага, чтобы никто не сделал для этого менее и не поклялся ложной клятвой”.

Как видим, дебитивная конструкция здесь управляет длинным рядом придаточных предложений. Это обусловлено тем, что юридический язык к концу III в до н.э. был, по-видимому, уже более развит, чем в середине V в. Но сама конструкция с модальной формой в протасисе и императивом в аподосисе сохраняется. Следует заметить, что в Бантинском законе в протасисе употребляются только сигматические формы. Это обусловлено, конечно, морфологией осского глагола: футурум в нём образуется только с помощью сигматического аффикса от всех спряжений; показатель футурума I – –es–, футурума II – –us–. Думается, что на основании сравнения двух италийских законодательных текстов, очень близких друг другу по синтаксису, можно высказать предположение о существовании праиталийской синтаксической модели условного предложения. По-видимому, здесь сохранился общеиндоевропейский аподосис. Простой же инъюнктив в протасисе был замещён на сигматическую тематизированную глагольную форму. Она, по-видимому, являлась вариантом того же инъюнктива, но сигматический аффикс и правостороннее передвижение акцента сформир-

¹⁰ Моммзен даёт чтение *fuit* вместо *fuat* и *diffissus* вместо *diffensus*. В первом разночтении следует, очевидно, предпочесть форму *fuat* как более редкую. Помимо Законов XII таблиц, она встречается также у Лукреция и Вергилия.

¹¹ Некоторые рукописи дают разночтение *davit*, являющееся гапаксом.

ровало и усилило возможности (эвиденциальности) и завершённости действия в момент возникновения определённого положения дел.

Источники

- ФЕДОРОВА Е.В. *Ранняя латинская письменность*. М., 1991
ТРОНСКИЙ И.М. *Очерки по истории латинского языка*. М.; Л., 1953
BRUNS K.G. *Fontes iuris Romani antiqui*. Freiburg-am-Breisgau, 1885, Ed.5 / Hrsg. Th. MOMMSEN
BUCK C.D. *The Greek dialects*. Chicago, 1955
Remains of Old Latin / Ed. et transl. by E. WARMINGTON. Oxford, 1979
VETTER E. *Handbuch der italischen Dialekten*. Heidelberg, 1953

ЛИТЕРАТУРА

- БЕНВЕНИСТ Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. М., 1995
БРИГТ Г.Х. ФОН. *Логико-философские труды*. М., 1986
ИВАНОВ Вяч.Вс., ТОПОРОВ В.Н. *О языке древнейшего славянского права // VIII Международный съезд славистов: Доклады советской делегации*. М., 1978
КРАСУХИН К.Г. *Дейктические элементы в категориях времени и наклонения (на материале древних индоевропейских языков) // Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис*. М., 1992
КРАСУХИН К.Г. *Грамматическое выражение долженствования в древнейших индоевропейских законодательных текстах // Язык и этика*. М., 2000₁
КРАСУХИН К.Г. *Греческие инфинитивы в императивной функции // Colloquia classica et indo-germanica II*. СПб., 2000₂
ХОДОРКОВСКАЯ Б.Б. *К проблеме корневого вокализма индоевропейского сигматического аориста (вокализм сигматических образований в латинском языке) // Вопросы языкознания*, 1989, № 3
ХОДОРКОВСКАЯ Б.Б. *Имперфект конъюнктива в латинском языке. К вопросу о происхождении // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова*. М., 2001 г.
ANDERSON A.R. *Sketch of the logic of decision and action // Logic of decision and action*. Dodrecht, 1967
BENVENISTE E. *Les futures et subjunctifs sigmatiques du latin archaïque // BSL*, 1922, v. 23
ERHART A. *Das indogermanische Verbalsystem*. Brno, 1989
GONDA J. *Selected studies*. Leiden, 1975
HOFFMANN K. *Der Injunktiv in Veda*. Heidelberg, 1967
KIPARSKY P. *Tense and Mood in Indo-European Syntax // Foundations of Language*, 1968, v. 4
MEILLET A. *De quelques gémérations expressives en italique // BSL*, 1922, v. 23
MEILLET A., VENDRYES J. *La grammaire comparée du grec et latin*. Paris, 1948

- MEISER G. *Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache*. Darmstadt, 1998
- MUTZBAUER G. *Die Tempuslehre der griechischen Sprache*. Leipzig, 1908
- PALMER L. *Die lateinische Sprache*. Hamburg, 2002 (= *The Latin Language*. Oxford, 1954)
- RENOU L. *A propos du subjonctive vedique* // BSL, 1930, v. 29
- RIX H. *Zur Entstehung der indogermanischen Modi*. Innsbruck, 1986
- SCHWYZER E. *Griechische Grammatik*. München, 1950. Bd. 2/ Herausgeg. A. Debrunner.
- STRUNK K. *Historische und deskriptive Linguistik bei der Textinterpretation* // Glotta, 1971, Bd. 49
- STEMPEL R. *Zur Vorgeschichte und Entwicklung des lateinischen Tempus- und Modusystems* // *Historische Sprachforschung*, 1998, Bd. 111
- WACKERNAGEL J. *Vorlesungen über Syntax*. Basel, 1921. Bd. 1
- WACKERNAGEL J. *Indogermanisch –que als alte nebensatzeinleitende Konjunktion* // WACKERNAGEL J. *Kleine Schriften*. Göttingen, 1953
- WEST M.L. *An uncognized injunctive usage in Greek* // Glotta, 1989, Bd. 69
- ZHILKA J. *Probleme des Aorists bei Homer* // *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*, 1966, v. 14